

топоса «тишины» в одах М. В. Ломоносова. Конечно, топос представляет собою только один элемент художественного мира и, естественно, его содержание несоизмеримо уже и одностороннее. Но важно, что семантика ломоносовской «тишины» ни в чем не противоречит мирообразу русского Средневековья, наоборот, органично сочетается с основными его началами.

Эти начала выражаются в одической поэзии Ломоносова при помощи совершенно иного художественного языка. «Наших стран Малерб» использует выразительные средства, ориентированные на западноевропейский художественный язык, прежде всего на его основу — античное наследие. Однако глубинное содержание его поэзии, как мы видели, оказывалось развитием национальных традиций. Европеизируя отечественную словесность, вводя ее в круг культур «политичных» народов, Ломоносов вместе с тем, как показывает топос «тишины» в его одах, не порывал с основами русского искусства, опирался на них.²⁶ И это неудивительно — при всех изменениях, происходящих в литературе, в ней всегда остаются неизменяемые начала, трансгисторические элементы, позволяющие обнаружить память литературы, в которой заключено ее национальное своеобразие и внутреннее единство.

Память литературы можно ощутить, исследуя разные явления литературного процесса: интертекстуальные связи произведений,²⁷ устойчивые национальные мифологемы, поэтические категории и их эволюцию. Не последнее место в этом познании занимает и изучение топосов, особенно их функционирование у тех писателей, которые, как Ломоносов, скрепляли своим творчеством разные эпохи истории русской литературы.

---

²⁶ К этим же выводам нас приведет исследование субъектно-объектных отношений в ломоносовских одах. См.: Бухаркин П. Е. Петр I и М. В. Ломоносов: (К вопросу о рецепции русской культурой петровских традиций) // Труды всерос. науч. конф., посвящ. 300-летию юбилею отечественного флота. Вып. 2. Переяславль-Залесский, 1992. С. 118—125.

²⁷ Возможности, открывающиеся перед этим путем изучения памяти литературы, блестяще продемонстрированы Р. Лахманн. См.: *Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der Russischen Moderne.* Frankfurt a. M., 1990.